

Страшилки

АНТОН ИВАНОВ

Проклятие старых могил

«Антон Иванов, Анна Устинова»

2001

Иванов А. Д.

Проклятие старых могил / А. Д. Иванов — «Антон Иванов, Анна Устинова», 2001 — (Страшилки)

А все так хорошо начиналось! Впереди было несколько дней весенних каникул, которые верные друзья Федя, Жанна и Макс проведут вместе... И зачем они в то злосчастное утро послушали своего одноклассника Толика Волобуева и пошли на старое кладбище, где при реконструкции церкви были обнаружены несколько заброшенных могил. Случайная находка – бронзовый терновый венок – лишь начало загадочных, необъяснимых и леденящих кровь событий...

© Иванов А. Д., 2001

© Антон Иванов, Анна Устинова, 2001

Содержание

Глава I	5
Глава II	15
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Антон Иванов, Анна Устинова

Проклятие старых могил

Глава I

ТЕРНОВЫЙ ВЕНЕЦ

Мой лучший друг Макси-Кот добрался до меня лишь на третий день весенних каникул. Так уж получилось. Потому что в первый день он лечил зубы. А на второй к его предкам пожаловали в гости какие-то дальние родственники то ли из Мурманска, то ли из Норильска. Я толком так и не разобрался. Да это и не особенно важно. Главное, они в последний раз видели Макса, когда он еще сидел в коляске. И им теперь непременно хотелось увидеть его высоким и большим. Хорошо еще, что в Москве они оказались проездом, всего на один день. Поэтому сегодня Макси-Кот наконец смог ко мне вырваться на целых три дня. То есть почти до самого конца весенних каникул. Они же всегда до обидного короткие. Учишься, учишься.

Ждешь их, ждешь. А потом не успеешь начать отдыхать, как снова – добро пожаловать в школу. А тут целых два дня пропало. Если бы хоть Жанна была на месте. Так ведь нет. Все по закону подлости. На те же самые два дня, что мой друг Макси-Кот мучился с зубами и родственниками, Жанну увезла мать... Вы даже представить себе не можете куда: на дачу! А что, интересно, делать на даче в конце марта? Когда абсолютно все вокруг раскисло и тает. Впрочем, как выяснилось по приезду Жанны, они с ее мамой Юлией Павловной и ее друзьями, которым и принадлежит дача, оба дня, трясаясь от холода, просидели у камина. Потому что батарея потекла, а газовый котел испортился. Им бы тут же смотаться в Москву, но хозяйева вызвали мастера и дожидались, пока он все им починит. И Юлия Павловна с Жанной ждали, потому что выехать оттуда можно только на машине, а она принадлежит хозяевам. Поэтому все сгрудились в единственной комнате, где был камин. Кроме него, еще поставили электрообогреватель. Но и это не помогло. Все, кроме Жанны, простудились.

Об этом я узнал сегодня утром, когда она ко мне пришла и объявила:

– Вы с Максом, когда он приедет, меня подождите, а я побежала в аптеку. У мамы высокая температура, и ей нужны лекарства.

Она ушла, и почти тут же явился Кот, как и обычно, с огромным рюкзаком за плечами. Каждый раз, когда он отправляется ко мне, предки собирают его словно на Северный полюс. Можно подумать, мы не на окраине Москвы живем, а где-нибудь посреди глухой сибирской тайги. Правда, от Садового кольца до меня Макси-Коту пилить полтора часа, а иногда даже больше, если автобус к метро не сразу подходит. Поэтому он говорит, что ездит ко мне и Жанне, как на дачу.

Раньше-то мы с ним жили рядом. И учились в одной школе. Но прошлой осенью нам с предками дали квартиру здесь, на Серебряных Прудах. И теперь мы с Макси-Котом общаемся по большей части или во время каникул, или по выходным, когда кто-нибудь из нас едет к другому в гости с ночевкой.

Как вы, наверное, уже поняли, Макси-Кот – это прозвище, а на самом деле имя у него Макс, а Кот – фамилия. В общем, вошел Макси-Кот к нам в переднюю и немедленно сбросил на пол свой таежный рюкзак.

– Вот черт. Запарился. Еле доехал.

Я посмотрел на друга. Его круглая физия была красной, а бледным оставался лишь острый кончик длинного тонкого носа.

– С автобусами у вас все-таки плохо дело поставлено, – снимая куртку, продолжал он. – Час стоял, и ни одного. А когда наконец появился, в него народу набилось, как сельдей в бочке. Меня с этим рюкзаком едва не убили. Пришлось на него брать отдельный билет. Кондукторша заявила, что он занимает «целое человеко-место». Хорошо еще, до тебя, Фома, долго ехать, и автобус почти опустел. Иначе бы я не вылез.

– Но ведь вылез, – я хлопнул его по плечу.

Макси-Кот поволок свой рюкзак на кухню, где принялся выгружать севернополюсные припасы. Мы быстренько запихали их в холодильник.

– Ну и какие у нас на сегодня планы? – пристально посмотрел на меня Кот.

– Да пока не знаю, – пожал я плечами. – Пойдем погуляем. По дороге что-нибудь и придумаем.

– А где наша Жанна д'Арк? – осведомился мой друг.

Вообще-то у Жанны фамилия Тарасевич. Но мама назвала ее в честь Орлеанской Девы, и внешне она вылитый портрет Жанны д'Арк из учебника истории.

– В аптеке, – пояснил я. – Спасает в данном случае не французский народ, а собственную мать от простуды.

И я рассказал Коту о славной поездке Тарасевичей за город.

– Бывает, – хихикнул тот. – Так чего, мы Жанку ждем или она дальше спасать собирается?

– Да она просила, чтобы мы подождали, – ответил я.

– И долго? – Макс посмотрел на часы.

– А мы разве куда-нибудь торопимся? – поинтересовался я.

– Нет. Просто каникул жалко, – совсем по-кошачьи ухмыльнулся Кот. – Но так уж и быть.

Подождем.

Тут трижды позвонили в дверь. Я открыл. Это была Жанна.

– Приехал? – она посмотрела мимо меня.

– Приехал, приехал, – вылез вперед Кот.

– Максик! – воскликнула Жанна. – Ребята, еще секундочку! Сейчас матери все отнесу, возьму Пирсика, и пойдем. Можете пока одеваться.

– Спасибо за разрешение, – отвесил ей шутовской поклон Макси-Кот.

Но Жанна этого не заметила. Она уже скрылась за дверью собственной квартиры, которая находится по соседству с нашей.

Мы начали одеваться. За дверью послышался звонкий лай. Я открыл. Первым в квартиру ворвался маленький черненький бородатый двортерьер Тарасевичей – Пирс. Увидав Кота, он взвился свечою в воздух и, метко лизнув моего друга в щеку, вновь приземлился. Затем то же самое было проделано со мной – обычный для Пирса ритуал приветствия. Прыгучесть у него просто потрясающая. По мнению Макса, Пирс таким образом компенсирует недостаток роста.

Я запер дверь квартиры, мы спустились на улицу. День выдался просто потрясающий. Тепло. Солнечно. А на газончиках около нашего длинного многоэтажного дома даже снега не осталось. И вообще, если бы не отсутствие травы, легко можно было бы подумать, будто уже середина апреля.

– Ну, так куда пойдем? – снова осведомился Макс. – Чего у вас, на Серебряных Прудах, новенького, интересенького появилось?

– Насчет новенького интересенького не знаю, – откликнулась Жанна. – А вот старенькое неинтересенькое вижу. Оно направляется прямо к нам.

Я проследил за ее взглядом. К нам, размахивая руками, приближался наш одноклассник по девятому «Г» Толян Волобуев, которого Жанна относила к разряду «средних придурков». Правда, по-моему, с ним что-то интересенькое все же произошло. Потому что голова у Толяна была забинтована. А еще три дня назад, в последний день занятий, с его башкой все было в порядке.

Жанна тоже с интересом разглядывала стремительно приближающегося Волобуя.

– По-моему, кого-то он все-таки достал. И этот кто-то не выдержал, – выдвинула она гипотезу.

– Ребята! Ребята! – наконец, поравнявшись с нами, радостно воскликнул Толян. – Вы куда?

– Пока, как видишь, просто стоим, – сухо ответила Жанна.

– А чего у тебя с головой? – поинтересовался я.

– Так. Фигня, – отмахнулся Толян.

– Бандитская пуля? – ехидно покосился на него Макс.

– Не, – на полном серьезе ответил Волобуй. – Тренажер развалился.

– Какой тренажер? – удивилась Жанна.

– Да мы тут с Витьком решили на каникулы в тренажерный зал ходить, – начал объяснять Волобуй. – Здоровый образ жизни, понимаешь, – он развернул плечи и выпятил грудь. – Но у них там, видимо, с техникой безопасности плохо. Чего-то недокрутили. Мне-то просто башку поцарапало.

– А тренера, конечно, насмерть, – покачала головой Жанна.

– Нет, не тренера, – снова на полном серьезе откликнулся Волобуй. – Витька.

– Насмерть? – охнула Жанна.

– Живой, – успокоил ее Волобуй. – Ему противовесом ногу придавило. Теперь в гипс закатали.

– Ту же самую? – хором охнули мы.

Осенью друг Толяна, Витек, уже ломал ногу.

– Противоположную, – солидно изрек Волобуй.

– От чего считая, противоположную? – любопытствовала Жанна.

– Естественно, от другой ноги, – Толян посмотрел на нее как на придурочную и с тяжким вздохом добавил: – Все. Выбыл Витек из строя до лета. А у нас с ним такие планы были.

Я понял: от Толяна нам теперь скоро не отделаться. Ему явно скучно без друга, а мы, как назло, попались ему на глаза. Видимо, Жанна подумала о том же. Потому что сказала:

– Ну ты бы, Толик, навестил друга. Ему же небось одному тоскливо дома и в гипсе.

– Он в гипсе, но не дома, – пояснил Волобуй. – В больницу положили. Только в какую, мать Витька от меня скрывает.

– Это еще почему? – не дошло до Макси-Кота.

– Она говорит: «Это ты, Толька, во всем виноват». В общем, у нее как-то так получается, что, если я к Витьку в больницу приду, там с ним еще чего-нибудь случится. А я совершенно ни при чем. Это его идея была – качаться. И мы по очереди на одном тренажере занимались. А то, что он не под Витьком, а подо мной развалился, – чистая случайность.

Толян обиженно помолчал, затем совсем другим тоном произнес:

– Ребята, а, может, давайте все вместе на кладбище сходим?

Мы переглянулись. После жутких событий, которые нам пришлось пережить прошлой осенью, мы старались обходить это кладбище стороной. Но не признаваться же в этом Толяну. И я равнодушным тоном проговорил:

– Да ну. Чего там делать? Небось все раскисло.

– Ты не понял, – как-то странно поглядел на меня Волобуй. – Я же не на само кладбище вас зову, а рядышком.

– Куда рядышком? – уставились мы на него.

– С елки упали? – в свою очередь изумился Толян. – Ничего не знаете?

– Не знаем, – ответил я. – А что мы должны знать?

– Ну, вы даете! – воскликнул Волобуй. – Весь район гудит, а они сидят и ничего не знают.

– Мы не сидим, но не знаем, – сказала Жанна.

- Больше конкретики, – потребовал Макси-Кот.
- Легко. – Волобуй принялся рыться в карманах. – Во! – он продемонстрировал нам раскрытую ладонь.
- Какая гадость! – едва взглянув, поморщилась Жанна.
- На ладони у Толяна тускло поблескивали две золотые коронки. Зубные.
- А вот это видели? – его ничуть не смутила реакция Жанны.
- На сей раз он показал нам изрядно погнутую брошку с большим камнем фиолетового цвета.
- Откуда дровишки? – осведомился Макси-Кот.
- Из леса, вестимо, – заржал придурочным смехом Волобуй. – А верней, из могил.
- Вы чего? – от возмущения у Жанны даже исказилось лицо. – Могилы с Витьком разоряете?
- Так вы, ребята, и впрямь без понятия? – ошалело качал перевязанной головой Толян. – Рядом с кладбищем стройка вовсю идет. Церковь с по-дворьем начали восстанавливать. Котлован экскаватором вырыли. А там оказались еще могилы. Видать, когда-то кладбище было большое. Ну, они, значит, вырыли, а все, что при этом нашлось, в кучу свалили. Им и вывезти не разрешают, и что дальше делать, неизвестно. Поэтому пока лежит.
- Что лежит? – спросила Жанна.
- Все, что в таких случаях полагается, – бодренько продолжал Толян. – Там рабочие, знаете, уже сколько себе нарыли? И монеты какие-то старинные, и кольца, и браслет...
- Но это же мародерство, – сказал Макси-Кот.
- Ни фига, – принялся спорить с ним Волобуй. – Вот если бы я специально эти могилы разрыл и начал из них у покойников вещи таскать, то, конечно, нехорошо. Но разрыли-то без меня, и теперь там само все валяется. А я че, дурак? Это ж как клад найти. Если сам не подсучусь, то другие возьмут.
- А там разве не охраняют? – посмотрел на него Макс.
- Охраняют! – презрительно сплюнул Толян. – Свалили в кучу, и ладно. Теперь пока чухнутся, все и растащут.
- Ужас какой! – передернуло Жанну.
- Хотите покажу? – предложил Волобуй.
- Естественно, не хочу! – решительно воспротивилась Жанна.
- А почему бы и нет, – задумчиво произнес Макси-Кот.
- Вот именно! – снова стал уговаривать Волобуй. Видимо, без Витька ему и впрямь было скучно. – Ты, Жанка, врубись. Там совершенно не страшно. Костей-то не видно. Зато есть интересные плиты с надписями и еще там всякое-разное. Даже несколько бревен. Говорят, шестнадцатого века.
- На них что, дата выпуска стоит? – ухмыльнулся Кот.
- Не, – мотнул головой Толян. – Наш учитель истории приходил и определил. Говорит, достаточно материала для местного краеведческого музея. Теперь подписи начнет собирать в поддержку идеи.
- Да-а, – протянул Макси-Кот. – В ваших Серебряных Прудах жизнь бьет ключом.
- И все по голове! – снова заржал Волобуй. – Ну, идем, что ли?
- Мы с Максом переглянулись. Взглянуть, хотя бы мельком, стоило. Не каждый ведь день рядом с домом такое случается. Мы оба посмотрели на Жанну.
- Ясно, – вздохнула она. – Я в меньшинстве.
- Ладно тебе, – сказал я. – Глянем и уйдем.
- Делов-то, – пришел мне на помощь Толян. – Ты, Жанка, прикинь: вдруг найдешь чего-нибудь золотое.

– Заткнись, придурок, а то не пойду, – шикнула на него Жанна, и мы с Макси-Котом немедленно поняли, что она согласна. Судя по всему, ей тоже было интересно взглянуть на раскопки.

– Ну? – не отставал Толян.

Жанна, махнув рукой, двинулась в обход нашего дома. Пирс, радостно твякнув, побежал вперед. Поводок натянулся. Псу давно уже наскучило стоять на месте.

Миновав двор, мы вскоре оказались у входа на кладбище, где давно уже никого не хоронили. Оно было обнесено старинной покосившейся кованой оградой, на которой висела надпись: «Памятник XVIII века. Охраняется государством».

Как мы знали, государством охранялись еще и церковь, и церковное подворье. Один раз их даже начинали реставрировать, однако осенью прошлого года там вспыхнул пожар, и все сгорело. То есть каменный остов церкви уцелел, а вот плоды реставрации – нет. Поэтому зимой восстановительные работы начались снова.

Миновав вход на кладбище, мы прошли дальше. Кованая ограда кончилась. Ее продолжил глухой высокий дощатый забор, который никак нельзя было отнести к памятникам архитектуры восемнадцатого века.

– Нам что, через забор лезть? – посмотрела Жанна на Волобуя.

– Во Маугли! – покрутил пальцем у виска тот. – Какой же забор без дырки?

И Толян жестом гостеприимного хозяина раздвинул две широченных доски:

– Заходите, братцы, не стесняйтесь. Будьте как дома.

Насчет дома уж не знаю, но мы зашли. А вернее, пролезли. Размах строительства впечатлял. Судя по размеру котлована, новое церковное подворье обещало стать грандиозным. Впрочем, где гарантия, что тут строили именно подворье?

– Сюда, сюда, – Толян повел нас по самому краю котлована.

– Слушай, а где вообще все? – огляделся по сторонам Макси-Кот.

Его удивление легко было понять. В разгар буднего дня на стройплощадке, кроме нас, не оказалось ни души.

– Наверное, на другой объект перекинули, пока с могилами решают, – предположил Толян. – Видите, – продолжал он, – котлован-то почти в самое кладбище упирается.

Обогнув котлован по кромке, мы подошли к сваленной в углу стройплощадки куче.

– Вот. Смотрите, – тоном экскурсовода изрек Волобуй.

На первый взгляд куча выглядела совершенно непримечательно: земля, смешанная со строительным мусором, и только. Высокий земляной холм, из которого то тут, то там торчали какие-то доски, проволока, бумага, тряпки и разномастный строительный мусор. Не зная мы того, что поведал нам Волобуй, нипочем бы не догадались, что здесь были старинные захоронения.

– Чего застыли? Пошли поближе. – Толян чувствовал себя здесь совершенно комфортно. Мы в нерешительности потоптались на месте.

– Ща я вам тут такую плиту покажу, – не унимался Волобуй. – Там надпись такая смешная...

– Смешная? – перебила его Жанна. – На могильной плите?

– Ну! – ничуть не смутился тот. – Сама посмотри и поймешь.

Откинув несколько досок, он потыкал указательным пальцем куда-то вниз. Мы подошли и увидели обломок плиты из бурого гранита. Надпись сохранилась на удивление хорошо. Она гласила: «И книга стала ему могилой».

– Прочитали? – посмотрел на нас Волобуй. – Во ржачка-то, а? Его что, выходит, в книжке вместо гроба похоронили?

– Заткнулся бы ты, а? – не поддержала шутку Жанна.

– Да ты чего? – выпучил глаза Толян. – Не я ведь писал.

Жанна не ответила. А Макси-Кот задумчиво произнес:

– Наверное, этому покойнику книга откуда-нибудь из шкафа на голову свалилась. То есть тогда он еще покойником не был. А в старину книжки тяжелые и толстые делали. Да еще в кожаных переплетах и порой с деревянными прокладками и медными застежками. Вот и представьте: если такое с верхней полки высокого шкафа упадет, то человеку кранты.

Лицо у Жанны стало совсем сердитым.

– По-моему, ты, Максик, заразился от Толика.

– Да я просто размышляю, – откликнулся Кот. – Надпись-то очень странная.

– Ну, я же вам говорил, смешная, – немедленно поддержал его Волобуй.

– А может, все проще? – предположил я. – Про этого мужика написали в какой-то книге что-нибудь оскорбительное, он расстроился и помер.

– Почему бы и нет, – откликнулся Макси-Кот. – Жаль только, мы никогда не узнаем, кому адресована эта эпитафия.

– Какая еще питафия? – насторожился Волобуй.

– К сведению некоторых, – с выразительным видом произнесла Жанна, – то, что ты, Толя, назвал смешной надписью, другие люди называют эпитафией.

– А-а-а, – разочарованно протянул Толян. – Я-то думал, увидели чего ценное.

– Жалко, что мы никогда не узнаем, на чьей могиле была эпитафия, – продолжал Макси-Кот. – Вдруг это была какая-то известная в свое время личность?

– Почему обязательно известная? – не поняла Жанна.

– Ну, если придерживаться Федькиной версии, – указал на меня старый друг, – то о покойном написали в книжке. Значит, он скорее всего что-то собой представлял.

– Это если придерживаться Федькиной версии, – покачала головой Жанна.

– А давайте поищем верхнюю часть плиты, – предложил я. – Вдруг она где-нибудь рядом валяется. Волобуй, ты не видел?

– Такого цвета не видел, – отвечал Толян. – Другие были. Но я только с одного края тут шуровал. Нас с Витьком после рабочие шуганули. Так что можно поискать.

На сей раз даже Жанна не возразила. И впрямь ведь интересно. Мы двинулись вокруг холма, внимательно изучая то, из чего он состоял.

Пирс порой с подозрительным видом принюхивался, порой, видимо, испугавшись чего-то, отскакивал в сторону, чтобы в следующее мгновение снова зарыться носом в землю. Вот тут мне сделалось совсем не по себе. Вдруг он сейчас откуда-нибудь выудит какую-нибудь кость? Понимаете, человеческую кость. До сих пор-то мы здесь ничего такого не видели. А Пирс пороется и найдет. И что нам тогда с этим делать?

По-моему, Жанна подумала о том же. Потому что, резко намотав на руку поводок, прикрикнула:

– Пирс, фу!

Пес повернулся к ней и, внезапно подняв вверх морду, тоскливо заскулил. Меня прямо мороз пробрал по коже. Да и остальным поведение Пирса явно не понравилось. Даже Волобуй каким-то не своим голосом осведомился:

– Чего это, Жанка, твой волкодав тоску нагоняет?

– Место такое, – сухо бросила она в ответ.

А Макси-Кот, уже немного пришедший в себя, заунывно изрек:

– Над большой могильной кучей ветер тучи собирает, между кучей и тучей громко Пирсик завывает от тощичи безысходной...

– Ну, Максик, остроты у тебя сегодня, – поморщилась Жанна.

Волобуй придерживался противоположного мнения. На его физиономии отразился восторг, и он спросил:

– А чего, Макс, это такой стих есть или ты его прямо сейчас придумал?

- Да как тебе сказать, – замылся Кот. – Частично есть, а частично придумал.
- Не понял, – выпучил глаза Волобуй.
- Импровизация на тему «Буревестника» Горького, – пояснил я. – Макси-Кот просто обожает корезить известные стихотворения.
- А-а-а, – протянул Волобуй.
- Мне стало ясно, что он ничего не понял. Ни про «Буревестника», ни про импровизацию. Еще немного помолчав, Толян осторожно поинтересовался:
- А чего, в этом самом горьком буревестнике тоже про кладбище говорится?
- Мы грохнули. Толян смотрел на нас в крайней степени недоумения.
- Чего ржете?
- Да так, – сквозь смех проговорил Макси-Кот. – Вы разве это в школе не проходили?
- Не, – уверенно отвечал Толян. – Правда, нет? – обратился он за поддержкой к нам с Жанной.
- Правда, – кивнула Жанна. – В этой школе не проходили. Я в прошлом году в своей старой «Буревестника» прошла.
- Мы с Котом тоже, – подтвердил я.
- Во-о! – расплылось в радостной улыбке лицо Волобуя. – А у нас это... видать, другая программа. Они, говорят, теперь во всех школах разные. Так чего, Макс, там, в горьком буревестнике, про кладбище или не про кладбище?
- У Горького не про кладбище, а про море и птицу, – вкратце просветил Волобуя Макс.
- А-а-а, – снова протянул Толян. По-моему, он так ничего и не понял.
- Мы двинулись дальше, тщательно изучая каждый сантиметр склона холма.
- Ка-р-р-р!
- Прямо из-под моих ног взметнулось что-то огромное, черное. От неожиданности я шарахнулся, потерял равновесие и, сметая все на своем пути, покатился вниз по склону. Под словом «все» я в данном случае подразумеваю Жанну и Пирса. Стоило нам докатиться донизу, как оба высказали мне свои мысли и чувства по этому поводу. Волобуй же, стоя на вершине холма, тыкал пальцем в голубое небо и с хохотом орал:
- Горький буревестник! Горький буревестник!
- Подлюга Макси-Кот тоже смеялся, а проклятая ворона, продолжая кружить над нами, громко ругалась на своем вороньем языке. И впрямь «горький буревестник».
- Пирс поднялся с земли без моей помощи. Я протянул руку Жанне, но она тоже встала самостоятельно. И, сердито на меня глядя, бросила:
- По твоей милости, Феденька, я тут обо что-то укололась.
- Сильно? – встревожился я. – Кровь есть?
- Нету. – Девочка посмотрела на ладонь и принялась ворошить ногой мусор. – Смотри! – воскликнула вдруг она. – Вот.
- Нагнувшись, она выдернула из земли какой-то предмет.
- Ребята! – позвала она. – Смотрите, что я нашла!
- Вторую половину плиты? – уже несся к нам Макс.
- Нет, – покачала головой Жанна. – Веночек!
- Какой еще веночек? – Волобуй и Макси-Кот уже подбежали к нам.
- Жанна бережно держала в руке небольшой кованый веночек.
- Красивый какой, – не отрывала она взгляда от находки.
- Она с силой потерла пальцем один из кованых листиков. Он заблестел.
- Золото, – охнул Волобуй. – Во, блин, везет же некоторым. А у меня только два зуба.
- Дурак ты, Толик, – разглядывая листок, откликнулась Жанна. – Это совсем не золото.
- Скорей всего, бронза, – подхватил Макси-Кот.
- А почему вы знаете? – спросил Волобуй.

– А потому, что этот веночек явно был частью памятника, – Жанна уже как следует разглядела находку. – Вот тут и тут, – показала она нам, – бронза скелета. По-видимому, веночек был приделан к могильной плите. Или к статуе на могиле.

– Скорее всего, – поддержал ее Макси-Кот.

Я присмотрелся к венку. Выглядел он очень странно: листья попеременно с длинными колючками. Ребята тоже внимательно изучали Жаннин трофей. Первым нарушил молчание Макси-Кот:

– Ребята, а ведь это терновый венец.

– Че-его? – протянул Волобуи.

– Шипы видишь? – осторожно коснулся пальцем одной из колючек Макс. – Это, так сказать, тернии.

– А на фига они? – вытаращился на него Толян.

– Чтобы тому, на кого такой веночек надевают, было больно, – продолжал терпеливо втолковывать ему Кот.

– Это чего, вроде пытки такой? – начало доходить до Толяна. – Как, например, сейчас утюгом по спине?

– Вроде, Толик, вроде, – похлопал его по плечу Макси-Кот.

– Садюги, – смачно сплюнул в сторону Волобуи.

– Что же нам теперь с этим делать? – Жанна смотрела на собственную находку как-то растерянно. – Если мы его тут оставим, такие, как он, – она ткнула пальцем в сторону Толяна, – сопрут.

– Факт, сопрут, – подтвердил Волобуи. – Если даже это не золото, – кажется, у него до сих пор оставались надежды, – то и бронза сойдет. Можно сдать в приемный пункт. Что-нибудь заплатят.

– Ну уж нет! – решительно заявила Жанна.

– Слушай! – обратился к ней Макс. – Возьми пока этот веночек к себе домой. Уверен, что их всех, – указал он на холм, – скоро перезахоронят. И наверняка на этом же кладбище. Вот тогда веночек и вернешь.

– Кому вернет? – спросил Толян. – Владелец-то помер.

– Так ведь ему не при жизни памятник поставили, – сказала Жанна.

– Тем более, оставь его себе навсегда, – от души посоветовал практичный Толян.

– Мародер! – презрительно бросила ему Жанна.

Над нашими головами вновь раздалось свирепое карканье, и на нас резко спикировала та же самая ворона. Мы даже еще сообразить ничего не успели, как Пирс, свечой взвившись в воздух, попытался ухватить наглую птицу за крыло. Это ему почти удалось. Во всяком случае, в пасти пса осталось длинное черное перо, а ворона, возмущенно вопя, стала резко набирать высоту. Ну, прямо не птица, а какой-то бомбардировщик.

Пирс, выплюнув перо, зашелся злобным лаем.

– Ни фига себе, буревестник! – взревел от восторга Толян.

– Черной молнии подобный, – тихо процитировал Макс.

– Это она на блестящее запала, – объяснил Волобуи.

– Да чего там блестящего? – возразил я.

– Все равно, – стоял на своем Толян. – Жанка, прячь эту штуку скорей. А то вон, гляди, этот буревестник опять на нас целится.

Ворона, громко каркая, продолжала упорно кружить над нашими головами. Пирс теперь не лаял, а сварливо поскуливал. По-моему, он пел собачий вариант песни «Чому я нэ сокил, чому нэ летаю». Думаю, если бы он взлетел, вороне пришлось бы плохо.

– Прекрати! – дернула его за поводок Жанна и, поглядев на нас, спросила: – Ребята, ну куда же мне это спрятать?

– Ща пакет дам. – Толян начал рыться в кармане куртки. – На, Жанка, держи. Я ведь сюда клад шел искать, а потом вас встретил.

Клад кладом, но запасливость Волобуя сослужила нам добрую службу. Едва мы убрали терновый венец в пакет, как ворона-буревестник, каркнув, да к тому же еще и капнув почти на нас, убралась восвояси.

– Хорошо, не попала, – Толян внимательно посмотрел на белое пятно возле самого своего ботинка. – Но, как говорится, все хорошо, что вовремя улетает.

И, не дожидаясь нашей реакции, он радостно заржал собственной шутке.

– Ребята, а, может, пошли отсюда? – тихо произнесла Жанна.

– Ну да! – возмутился Толян. – Ты себе штуку нашла, может, вообще золотую. А мы? С пустыми руками уйдем? И каменюгу вы эту хотели искать.

– Какую каменюгу? – спросила Жанна.

– Ну, ты, мать, даешь! – заорал Толян. – Да от того самого мужика, которого книжкой пристукнули.

– Ах да! – спохватилась Жанна. – Но, может, этот кусок надгробия вообще единственный сохранился.

– Давайте все-таки поищем, – Макси-Кот в данном случае был солидарен с Толяном. – Мы же еще не весь холм обошли.

– Тогда ищите, а я посижу, – и Жанна устало опустилась на деревянный ящик.

– Гав! – сказал Пирс и, натянув поводок, вопросительно уставился на нас.

– Сиди! – велела хозяйка.

Пес, вздохнув, подошел к ней и вспрыгнул на колени.

– Жанна, мы сейчас. Быстренько, – уже на ходу бросил я.

– Быстренько? – переспросил Толян и, радостно заржав, наградил нас одной из своих дурацких прибауток: – Как говорится, спешить – здоровью вредить. Так что скоро не жди.

И, оставив Жанну, мы продолжили свои археологические раскопки. И надо заметить, небезуспешно. Первому повезло мне. Я совершенно случайно выковырял из земли огромный медный пятак. До сих пор не понимаю, как мне удалось его обнаружить. Просто нагнулся, копнул щепкой землю, гляжу – лежит, родименький. Огромный, грязный, позеленевший от старости и сырости.

Слова «пять копеек» виднелись достаточно четко. А вот какого года – пойдй разбери. Цифры стерлись от времени. И один бок монеты – тоже. Ну, прямо будто стесали напильником. Но Макси-Кот посмотрел и говорит:

– Начало девятнадцатого века. Эту монету мог еще Пушкин в руках держать.

– Ну, ты загнул, – явно не верил Толян.

– Точно вам говорю, – без тени сомнения произнес Макс.

– Пу-ушкин, – протянул Волобуй. – Да это ж тогда кучу бабок, наверное, стоит.

Видно было, что он подыхает от зависти.

– А она не золотая? – Ему хотелось все выяснить о моей находке.

– Нет, – поспешил я успокоить его.

– Тогда, может, махнемся? – каким-то вкрадчивым голосом произнес Толян и вновь извлек на свет две золотые коронки.

– Зачем? – Мне совсем не хотелось меняться.

– Ну, твою монету Пушкин держал, а мои коронки зато золотые, – принялся уговаривать меня Волобуй. – А потом, откуда ты знаешь? Если тут были такие хорошие старинные монеты, может, эти коронки тоже какой-нибудь друг Пушкина на зубах носил.

– Если в то время существовали такие коронки, – украдкой от Волобуя подмигнул мне Макси-Кот.

– Не нужны мне твои коронки, – решительно отверг я сделку.

Волобуй мигом скис. По-моему, он уже мысленно подсчитал барыши, которые сможет извлечь из моей старинной монеты.

– Тогда хоть покажи, Фома, где нашел? – потребовал он у меня.

Эту просьбу я охотно исполнил. Толян, схватив кусок листового железа, начал ожесточенно копать. Его самодельная лопата почти сразу же обо что-то заскрежетала.

– Ребята, клад, – сипло произнес он.

Глава II

НАЗОЙЛИВОЕ ВОРОНЬЕ

Мы вместе с Макси-Котом ринулись помогать Волобуу. Однако под слоем земли оказался совсем не сундук с драгоценностями, а... еще один обломок надгробия из бурого гранита. Макси-Кот ладонью стер грязь с камня и прочитал:

– ... агинский.

– Агинский! – радостно возопил Толян. – Тот самый, который полонез написал! Я ж говорю: тут солидные люди лежат.

Мы с Котом обалдели. Откуда этому «дитю джунглей» известно про полонез Огиньского? Мы, конечно, спросили, а он ответил:

– У Витька младшая сестра в музыкальной школе учится. И этот самый полонез долбит уже второй год. У нее плохо получается.

Такое объяснение нас с Максом несколько успокоило. А то мы уж не знали, что и подумать.

– Мо-ло-дец, – с расстановкой произнес Кот. – Только вынужден тебя, Волобуй, разочаровать. Тот Огиньский пишется через «о» и к тому же с большой буквы. А этот через «а» и с маленькой. Скорей всего, это окончание какой-то фамилии. А начало осталось на третьем обломке камня. Как, впрочем, – Макс снова принялся стирать ладонью грязь с камня, – и год рождения. Мы тут имеем лишь окончание года смерти. Видите? Ноль-ноль.

– Это чего же, ребята, клиент в двухтысячном помер? – с сомнением произнес Волобуй.

– Скорей, в тысяча девятисотом, – возразил Макс. – Здесь уж, наверное, лет шестьдесят не хоронят. И надпись явно несовременная.

– Дела-а, – протянул Волобуй. – Вообще-то лучше б мы с вами клад нашли, чем этот «ноль-ноль», да к тому же прихлопнутый книгой.

– Эй, – донесся до нас голос Жанны, – долго вы там еще?

– Идем! – хором ответили мы с Максом.

А Волобуй замахал руками:

– Да вы чего? Нам же совсем маленький кусочек обследовать осталось.

Кажется, он еще не утратил надежды найти что-то по-настоящему ценное. «А собственно, почему бы и нет? – пронеслось у меня в голове. – Вдруг третий фрагмент камня обнаружим?» Не знаю, зачем мне, собственно, это было нужно, но найти хотелось. Интересно ведь все-таки узнать имя и фамилию человека, для которого книга стала могилой.

Короче, крикнув Жанне, что подойдем к ней через пять минут, мы продолжили исследовать склон холма. В своей жажде поживиться Толян дошел до самого края котлована.

– Куда, дурак, лезешь? – предостерег его Макси-Кот. – Там ведь опасно.

– Не каркай, – принялся карабкаться еще выше Толян. – Зато сюда еще никто не лазал.

Тут и раздалось свирепое карканье. Только не наше с Макси-Котом, а «горького буревестника». Не берусь, правда, утверждать на все сто, что того же самого, с которым сражался Пирс, но столь же агрессивного. Что «горькому буревестнику» не понравилось в поведении Волобуя, остается только гадать. Видимо, он ступил на территорию, которую ворона считала своей. Исполненная возмущения, она клюнула его в забинтованное темечко.

Помочь Толяну мы с Котом не успели. Он дико заорал и, потеряв равновесие, зашатался. Вместе с ним зашатался весь склон холма и начал медленно сползать в котлован. Волобуй уже не орал, хотя рот у него был широко раскрыт, словно в немом крике. Размахивая во все стороны руками, он еще каким-то чудом умудрялся сохранять равновесие. Потом закон всемир-

ного тяготения взял свое, и Волобуй с лавиной земли, камней и мусора низринулся на дно котлована.

Все это происходило точно в замедленной киносъемке. А мы с Котом от ужаса даже не в силах были шелохнуться. Лишь когда Волобуй окончательно исчез из поля зрения, мы, обретя наконец дар речи, закричали:

– Толя! Толя, где ты?

Но вместо Толи ответом нам стали залиvistый лай Пирса и тревожный вопрос Жанны:

– Мальчики, что случилось?

– Толян свалился, – объяснил я.

– Ложись?! – в это время скомандовал Макс.

– Зачем? – не дошло до меня.

– Чтобы не последовать за Толяном, – коротко пояснил Макси-Кот.

Мы по-пластунски доползли до края котлована и осторожно глянули вниз. Глубоко. Метров пять, не меньше. А, может, даже и больше. На дне из кучи земли торчала забинтованная голова Толяна.

– Толян, ты живой? – боясь не услышать ответа, проорал я вниз.

Какое-то время на дне котлована ничто не двигалось и не отвечало. Наконец рядом с забинтованной головой возникла рука. «Значит, пока жив, идиот», – с большим облегчением отметил я про себя. Как бы в подтверждение моей догадки снизу жалобно донеслось:

– Ребята, меня засыпало.

– Это мы и без тебя видим! – проорал ему Макси-Кот.

Громкий его окрик вызвал новый небольшой катаклизм, и еще часть холма сползла вниз. Причем один из камней едва не огрел Волобуя по башке.

– Больше не ори, – строго предупредил я. – Иначе Волобуя совсем засыплет.

– Больше не буду, – смиренно прошептал Макси-Кот.

– Ну, полезем откапывать? – посмотрел я на Макса.

– Чокнулся? – отвечал он. – Конечно, мы должны быть ответственны за тех, кого приручили, но и голову терять при этом не следует. Хочешь, чтобы нас вместе с ним засыпало? Нет, без страховки нельзя.

Ложиться в братскую могилу с Волобуем мне тоже не улыбалось, однако я не понимал, откуда и какую нам здесь взять страховку.

– Ребята! – снова заорал Волобуй, и еще часть холма слетела вниз. К счастью, снова без пагубных для Толяна последствий.

– Слушай, – прошептал я Макс, – надо скорее его извлечь оттуда. Вопить, чтобы он там не орал, мы не можем. А если он продолжит в том же духе, его точно с башкой накроет.

– Тогда пошли искать веревку, – осторожно отполз от края Макси-Кот.

Я последовал его примеру. Толян, слава богу, пока больше не орал. То ли понял, что мы идем ему на помощь, то ли просек, что вопить опасно, то ли у него просто силы иссякли.

– Ребята! Ребята! – раздалось позади.

Мы встали на ноги и повернулись. К нам бежали Жанна и Пирс.

– Волобуй там жив? – с тревогой спросила она.

– Да, – кивнул я.

– Но его надо скорее вытаскивать, пока совсем не засыпало, – скороговоркой добавил Макс. – Ищем веревку, и как можно длинней.

Однако никакой веревки поблизости не обнаружилось.

– Что же делать? – Кот растерянно огляделся по сторонам.

– Пошли искать кого-нибудь из рабочих, – я видел единственный выход из положения. – Там, за церковью, стоят их вагончики. Хоть один человек должен быть на месте.

Кот и Жанна послушно двинулись следом за мной. В одном из вагончиков мы и впрямь обнаружили троих очень сонных мужиков. Однако стоило нам сообщить, что на дне котлована засыпало парня и того гляди завалит совсем, как сонливость с мужиков мигом слетела, и они, громко выражая нелицеприятные мнения по поводу «сопляков, которые вечно лезут куда не надо», кинулись к котловану.

Правда, двое из них по дороге куда-то свернули, а потом появились, волоча длинную деревянную лестницу. Ее с большими предосторожностями спустили в котлован. Третий мужик все это время стоял вместе с нами, глазел на Толяна и не уставал удивляться, что тот еще жив. Волобуй, увидев нас с подкреплением, не удержался от радости, закричал, и в результате его еще немного присыпало. А стоящий рядом с нами рабочий снова по этому поводу выразительно высказался.

Затем все трое, вооружившись лопатами, спустились на дно котлована, не забыв нас предупредить:

– Если, ребята, нас вдруг вместе с вашим этим чудачком накроет, сразу звоните в Службу спасения.

Мы, конечно, пообещали, что так и сделаем. Но, к счастью, Служба спасения нам не понадобилась. Мужики оказались мастерами своего дела. Соорудив из досок нечто вроде плотины, они быстренько откопали Волобуя. Самое удивительное, что он совершенно не пострадал. Едва его выкопали, он самостоятельно вскарабкался по лестнице к нам. Живой, но очень грязный.

– Привет, – радостно улыбнулся он. – А вот и я!

Тут из котлована вылезли мужики. Они были настроены не столь радужно. Как мы могли понять из их слов, с одной стороны, им, конечно, приятно, что никто не погиб и не придется отвечать. Но с другой... В общем, они долго и доходчиво объясняли Волобую, а заодно и нам, что сделают, если кого-то из нас обнаружат на стройплощадке. А особенно если этот несчастный окажется вблизи котлована.

Внимательно выслушав их, Волобуй скромно и жалобно пробормотал:

– Дяденьки, я больше не буду.

«Дяденьки» с нами еще для порядка немного поговорили, а затем вытолкали за ворота. Уже за пределами стройплощадки Толян со вздохом произнес:

– Такое место накрылось.

– Молчал бы уж, – шикнула на него Жанна. – Мало тебе досталось.

– Мало, – на полном серьезе подтвердило «дитя джунглей». – Всего два зуба да брошка. Я лично рассчитывал на большее.

– Горбатого могила исправит, – устало выдохнула Жанна.

Учитывая все обстоятельства, слова ее, на мой взгляд, прозвучали весьма двусмысленно. Однако я ничего не сказал. Жанна и так уже была на пределе. Да она и сама всегда честно признавалась, что от долгого общения с Волобуем звереет.

Волобуй тем временем, внимательно оглядев себя, подавленно изрек:

– Ну, уделался. По-моему, мне надо домой. И ногу чего-то больно.

– А голову не больно? – улыбнулась уголком тонких губ Жанна.

– Голову нет, – решительно заявил Толян. – А ступать на эту ногу отчего-то больно.

– Проверить бы надо, – в прежнем тоне продолжила Жанна. – А то, может, у тебя перелом? Тогда в одну палату с Витьком попросишься.

– Перелом в каникулы? – взвыл Волобуй. – Да вы что, ребята? Вот когда четверть начнется, пожалуйста. Хоть два перелома. А пока у меня просто вывих. Или там, это... растяжение.

Жанна выразительно покосилась на нас.

– Слушай, тебя проводить или сам до дома дойдешь? – обратился я к «дитю джунглей».

Тот попробовал ступить на ушибленную ногу и скривился от боли.

– По-моему, лучше проводить, – сказал он.

– Тогда пошли.

Стараясь не запачкаться, мы с Котом взяли Толяна под обе руки и поволокли к жилому массиву, где стоял его дом. Жанна с Пирсом замыкали шествие. Картина была еще та. Идти пришлось неспешно. Быстро передвигаться Волобуу не мог. Зато по дороге снова принялся сетовать, что упущена такая блестящая возможность.

– По-моему, Толян, все ваши с Витьком блестящие начинания обычно плохо кончаются, – сказал я.

– Ни фиги! – возмутился Волобуу. – Иногда мы с ним очень успешно бизнес проворачиваем. Проколы, конечно, тоже случаются. Кто не рискует, тот не пьет шампанское. Вот ногу до завтра подлечу, и снова в бой. Вместе, ребята, пойдем.

– Ты же злым дяденькам обещал не ходить, – напомнила Жанна.

Волобуу от возмущения даже остановился. И, посмотрев на нее, заявил:

– Если бы я делал все, что обещаю, то, наверное, уже помер бы с тоски.

– Хорошая мысль, Толян, – поспешил пресечь дальнейшие споры Макси-Кот. – Двигаем дальше.

– Ага! – заорал Волобуу. – Осторожно, двери закрываются!

– Многовато, по-моему, ты сегодня, Толя, смеешься, – заметила Жанна. – Как бы плакать потом не пришлось.

Толян немедленно наградил ее очередным перлом:

– Как говорится, кто хорошо смеется, тот плачет последним.

– Не знаю, не знаю, – мрачно проговорила Жанна. Кажется, запас ее терпения и впрямь уже иссякал.

– Чего ты не знаешь? – переспросил Волобуу.

– Ничего, – отрезала Жанна. – Но вся эта история мне почему-то очень не нравится.

Толян не нашелся, что на это ответить. А мы с Котом заставили его прибавить шаг. Кстати, волоочь его на себе было совсем не легко. И если Жанна устала морально, то мы – физически.

Однако все испытания в этой жизни когда-нибудь да кончаются. Вскоре мы расстались с Волобуем у дверей его квартиры.

– Ты, Федька, все-таки до завтра подумай, – сказал на прощание он. – Может, все же махнем монету на зубы?

И, не дожидаясь моего ответа, он захлопнул дверь.

– Вот это нервная система! – от души восхитился Макси-Кот. – Человека чуть живьем не засыпало, а ему хоть бы хны.

– В джунглях, Максик, свои законы, – входя в лифт, отозвалась Жанна.

Когда мы вновь очутились на залитой ярким солнечным светом улице, Жанна и Пирс критически оглядели нас с Максом. При этом Пирс ничего не сказал, а хозяйка его заявила:

– Ну-ка, мальчики, живо стряхните с себя пыль Волобуу! Иначе я с вами дальше не пойду.

Только тут мы обнаружили, что порядком испачкались о Толяна. Впрочем, отряхивание мало изменило наш вид к лучшему. Ведь справедливости ради стоит заметить: измазались мы, не только пока волокли под руки Волобуу. Ведь, когда Толян заорал про клад, мы с Котом опустились на колени, а глина вокруг была сырая.

– Слушай, Жанна, может, нам лучше в темпе дойти до дома, а там уж одежду как следует щеточкой обработать? – вкрадчиво предложил Макси-Кот. – Чего здесь наспех чиститься.

– Если уж до дома, – ухмыльнулась Жанна, – то вам просто нужно переодеться, а вот это все, – окинула она брезгливым взглядом наши куртки и брюки, – срочно отдать в химчистку.

– Ну ты экстремалка, – покачал головой Макси-Кот.

– Я, Максик, реалистка, – возразила Жанна.

Мы поспешили к нашему дому. Во дворе по случаю солнечного теплого дня гуляло множество бабушек с маленькими детьми. Как раз, когда мы проходили мимо них, одна из бабушек с громкими причитаниями вытаскивала внука из лужи. Внук бурно сопротивлялся. Потом, заметив нас, басом завыл:

– Почему нельзя грязным? Вон дяденьки посмотри какие! Им можно, а мне нельзя?

Не дожидаясь объяснений бабушки, мы завернули за угол дома.

– Эх, – ехидно усмехнулась Жанна. – Какой пример молодежи подаете!

– Ужасный! – радостным хором ответили мы.

Уже в лифте Жанна сказала:

– Ко мне не пойдем.

– Ясное дело, – кивнул я.

Квартира у Тарасевичей однокомнатная. Раз Юлия Павловна не только дома, но и больна, нам делать там нечего. Естественно, мы пошли ко мне. Все, включая Пирса. Жанна сочла за лучшее домой его пока не вести. Во-первых, чтобы он не тревожил понапрасну мать, а во-вторых, чтобы она считала, будто мы пока где-то гуляем. Потому что, если Юлия Павловна увидит, что Жанна свободна, то, вполне возможно, загрузит ее какими-нибудь поручениями по хозяйству, а у нас были на ближайшее время совсем другие планы. Мы ведь сегодня еще толком без Волобуя не пообщались. Кроме того, Жанне очень хотелось отмыть и почистить венки.

Я запер за нами дверь, и она тут же потребовала:

– Федор, гони мне старую зубную щетку, зубную пасту и мыло. Пока вы будете переодеваться, я этим займусь.

И она потрясла пластиковым пакетом, в котором лежал венок.

– Слушай, а может, потом? – подвигал кончиком острого носа Макси-Кот. – Как-то есть очень хочется. Давайте сперва пожжем.

Но Жанна была неумолима. Бросив нам: «Не маленькие, потерпите», – она скрылась в ванной и заперлась там на задвижку.

Мы с Котом быстренько почистились и поспешили на кухню.

– Жанна пускай как хочет, а я лично есть хочу. – И мой старый друг с решительным видом потянул на себя дверь холодильника.

У меня никаких возражений против его действий не было. Даже наоборот. Мне тоже отчаянно хотелось жрать. И пить, кстати, тоже. У меня аж песок на зубах хрустел.

Макси-Кот, отхватив зубами огромный кусок хлеба с колбасой, прошамкал:

– А Жанка пусть после присоединяется.

– Вольному – воля, – тоже с набитым ртом отозвался я.

– Ай! – раздался вдруг крик из ванной.

Дверь распахнулась.

– Что такое? – толкаясь, кинулись мы к девочке.

– Он укусил меня, – она испуганно смотрела на собственный палец.

– Кто? – округлились глаза у Макса. – Пирс?

– Дурак, – вмешался я. – Пирс вместе с нами жрал. Как он мог Жанну укусить?

– Нет, мальчики, это не Пирс! Меня укусил венок! – воскликнула она.

– А температуры у тебя случайно нету? – скорбно покачал головой Макси-Кот. – Может, от мамы заразилась?

– К чему это ты? – пожала плечами Жанна.

– Да, говорят, при температуре выше сорока иногда даже стулья начинают кусаться, – хмыкнул Кот.

– Я не шучу, – мрачно произнесла Жанна. – Разве не видишь? У меня кровь идет.

– А чего удивительного, – сказал Макс. – На этом венке полно шипов. Надо было поаккуратней.

– Сама догадалась, – свела брови к переносице Жанна. – Но говорю же вам: я не укололась. Венок меня как будто укусил.

– Укуси-ил, укуси-ил, – таким тоном проговорил мой друг, словно обращался к малому ребенку. – Ну, неприятно, конечно, больно. Лучше скорее йодом ранку прижги. А то эта штука столько времени в земле провалялась, да еще на бывшем кладбище.

– Ща принесу, – кинулся я на кухню, где у нас висела аптечка.

Жанна занялась собственным пальцем, а я глянул в раковину. Там лежал венок.

– Ого! – вырвалось у меня.

Его было просто не узнать. Хорошо, мы успели расстаться с Волобуем. Толян бы просто с ума сошел. Венок сиял, как чистое золото.

– Ну, Жанка, ты даешь! – уже разглядывал венок Макси-Кот.

– Правда, красиво? – смазывая йодом ранку, спросила она.

Макси-Кот, вытащив венок из раковины, продолжал любоваться.

Я тоже уставился на венок и почти тут же заметил: на одном из сияющих лепестков алела капелька крови. Правда, видел я это всего лишь мгновение, потому что капелька вдруг исчезла. Золотистый листок, будто вобрав ее в себя, казалось, засиял еще ярче. Я крепко зажмурил глаза, затем снова взглянул на венок. От капельки крови не осталось даже следа.

– Ребята, вы видели? – спросил я.

– Что именно? – повернулся ко мне Макси-Кот. – Если ты про венок, то я до сих пор его вижу. А ты разве нет?

– Да нет, – отмахнулся я. – Я про кровь говорю.

– Какую кровь? – обомлел Макс. – Теперь у тебя, что ли, глюки?

– Это Федька мой палец имеет в виду, – вмешалась Жанна, – но теперь крови уже не видно.

И она продемонстрировала мне желтую от йода подушечку пальца.

– В данном случае речь шла не о твоём пальце, – возразил я. – Капелька крови была вот на этом лепестке. Причем очень яркая и отчетливая. Понимаете, была и исчезла.

– Скатилась, наверное, – будничным тоном изрек Макси-Кот. – Проще пареной репы, Фома. Жанка укололась, на лепестке осталась капелька, а, когда я взял венок, она скатилась.

– Может, ты и прав, – меня не слишком убедили его слова. – Но чтобы так исчезнуть, совсем без следа...

– Элементарно, – настаивал на своем Макси-Кот. – Если бы венок был сухим, пятно бы, конечно, осталось. Но Жанна ведь его не вытерла. Вот капля вместе с водой и скатилась.

– Может, ты и прав, – повторил я.

– И вообще, Фома, лучше вот на что обрати внимание, – снова заговорил Макси-Кот. – Видите? Тут на лепестках какие-то буквы. Ой! – И Макс, скривившись от боли, засунул в рот палец. Увлечшись, он тоже укололся о шип.

– Знаете что, – сказала Жанна. – Давайте-ка мы эту штуку сперва положим на стол, а там уж как следует и рассмотрим. Иначе он всех нас сейчас перекусает.

– Да, – Макс уже мазал йодом палец. – Какой-то этот венок злой. Пошли на кухню. Так сказать, совместим приятное с полезным. И буквы рассмотрим и все-таки наконец поедим.

– О господи, – закатила глаза Жанна. – Можно подумать, что вы помрете, если сейчас же не поедите.

– Может, и помрем. – Макс решительно двинулся на кухню, неся венок.

Там он, едва положив свою ношу на стол, впился зубами в недоеденный бутерброд. Впрочем, я повел себя не лучше, то есть точно так же. Жанна, увидев, как мы уплетаем, вмиг со

словами: «Дурной пример заразителен», – потянулась к хлебу и колбасе. Макси-Кот подмигнул мне и хмыкнул.

Съев еще два бутерброда, мы вплотную занялись исследованием венка. На лепестках и впрямь были выгравированы тонкие буквы. Шрифт странный, угловатый. Некоторые буквы мы разбирали лишь с большим трудом.

– Откуда они начинаются-то? – наконец задумчиво произнес Макси-Кот.

– Чего проще, – откликнулась Жанна. – Будем считать каждую букву по очереди, пока не сложится что-нибудь осмысленное.

Так мы и поступили. Нашу задачу несколько облегчила старая дореволюционная орфография. Как мудро заметил мой друг Макси-Кот, с твердых знаков ни одно слово не начиналось даже тогда. В общем, промучившись еще минут десять, мы наконец прочли: «Венець страда- ньямь твоимь».

– Час от часу не легче, – покачал головой Макс. – Одному книга стала могилой, у другого могила, – легонько, чтобы снова не уколоться, коснулся он пальцем венка, – венец страданьям.

– Мрачное какое-то кладбище, – полностью поддержал я друга.

– Ну вы, братцы, оригиналы, – сказала Жанна. – Можно подумать, другие кладбища – это такие веселенькие места.

– Ты что, не понимаешь, – строго взглянул на нее Кот.

– Извини, Максик, не понимаю, – покачала головой Жанна. – Наверное, слишком тупая. Знаешь, мне как-то грустные надписи на таких венках или могильных камнях не кажутся странными.

– Но они ведь не просто грустные, а... – и, подыскивая слова, я умолк.

– Они с каким-то скрытым смыслом, – на лету словил мою мысль Макс.

– Все эпитафии со скрытым смыслом, – возразила Жанна. – Для того и пишутся.

– Может быть, – с загадочным видом кивнул Макси-Кот. – Но зачем даже скрытый смысл писать такими маленькими буквами?

– Ну, уж не знаю, – в голосе Жанны послышалось раздражение. – Может, он так завещал.

– Почему он? – одновременно выпалили мы с Максом.

А я добавил:

– Почему ты не допускаешь, что «венец страданьям» был у нее?

В ярко-зеленых Жанниных глазах мелькнули сердитые искорки. Она очень не любит, когда ее загоняют в угол.

– Ну хорошо, ее, его... Какая вам разница? Этот человек давно умер. Судя по орфографии, почти сто лет назад. А может, даже и двести. И главное, мы о нем никогда ничего не узнаем. Вам что, мальчики, лавры Волобуя не дают покоя? Хотите расшифровать надпись и клад найти? Вот это правильно, – с язвительным смешком продолжала она. – Давайте проведем все каникулы на кладбище.

– Странный ты человек, – откликнулся Макси-Кот. – Венок, между прочим, кто нашел?

В кухне на какое-то время воцарилась напряженная тишина. Наконец Жанна неохотно признала:

– Ну, предположим, я.

– И предположим, едва мы вошли к Федьке в квартиру, ты кинулась отмывать его и начищать, – добавил Кот.

– Кого, Федьку? – явно уже пыталась отшутиться Жанна.

– Нет. Венок, – неумолимо продолжал Макс. – Даже поесть нам не дала. И вот когда мы всерьез заинтересовались твоей находкой...

– После того, как поели, – не преминула уточнить Жанна.

– Естественно, – спокойноотреагировал на выпад Макс. – Такие вещи всегда надо делать в здоровом уме и твердой памяти.

– А без еды, значит, у вас с Федором ни ума, ни памяти, – губы у Жанны растянулись в улыбке.

– Слушайте, госпожа д'Арк! – воскликнул Макси-Кот. – Спешу напомнить, что мы с Фомой не англичане, а Франция не в опасности. Так чего ты с нами сражаешься?

– Потому что вы дураки! – Жанне самой уже стало смешно.

– Раз так, вернемся к нашим баранам, а вернее, к венкам. – И Макси-Кот вновь посмотрел на странную надпись.

Об оконное стекло что-то с силой ударило. От неожиданности мы подскочили. Живем-то мы не на первом, а на десятом этаже, и случайный прохожий в окошко не постучит. Тем более что у нас за окном балкон. Сперва мы вообще ничего не сообразили. В стекло билось что-то огромное, черное. Мы просто впали в столбняк от ужаса.

– Ребята, «горький буревестник», – первым пришел в себя Макси-Кот.

– Это за венком! – крикнула Жанна и, схватив с крючка кухонное полотенце, накрыла его.

– Кар-р, – раздалось за окном.

Ворона исчезла. Макс, сорвавшись с места, резко повернул ручку балконной двери и дернул ее на себя.

– Куда? Спятил? В дом ведь влетит, – попытался остановить его я.

Но Кот уже вылетел на балкон.

– Успокойтесь, она испарилась! – прокричал он оттуда. – Ну прямо нигде нет.

Я добежал до Макса и начал теснить его обратно в квартиру.

– Пошли, пошли. А то вдруг она где-нибудь затаилась и сейчас опять прилетит.

– Мальчишки, прошу вас, уйдите оттуда! – взмолилась Жанна.

Макс сдался. Я наконец запер балконную дверь и после этого перевел дух. Только сейчас я ощутил, как колотится сердце. И коленки почему-то подрагивали. Я посмотрел на остальных. Кот и Жанна тоже были бледны.

– Интересно, это та же самая? – опускаясь на табуретку, спросила Жанна.

– Которую из них ты имеешь в виду? – повернулся к ней я.

– А ты думаешь, там, на кладбище, их было две? – внимательно посмотрел на меня Макси-Кот.

– Я тебе что, орнитолог? – откликнулся я. – Знаешь, пока по выражениям лиц ворон различать еще не научился. Может, их было три, а может, одна и та же.

– Жуть какая-то, – зябко поежилась Жанна. – Знаете, мне казалось, еще немного, и она стекло пробьет.

– Всем казалось, – честно признался Макси-Кот. – Просто какой-то фильм ужасов. «Птицы» Хичкока.

– Вот-вот, – кивнула Жанна. И, снова поежившись, добавила: – Как она билась! Ну, понимаю еще, она бы сперва случайно в открытое окно залетела, а потом начала биться в стекла, чтобы на улицу вылететь. Но она билась, чтобы влететь. Вам это не кажется противоестественным?

– Кажется, – кивнул Макс. – У меня пока есть только одно нормальное объяснение. Что эта ворона – клептоманка. Она пролетала мимо, увидела, как блестит венок. Ну а дальше, как в басне Крылова. «От радости в зобу дыханье сперло». В общем, наш «горький буревестник», не разобравшись, что между ним и венком стекло, ринулся на добычу.

– Во всяком случае, стоило мне накинуть на венок полотенце, ворона немедленно смылась, – напомнила Жанна.

– Вот я и говорю, – кивнул Макси-Кот. – Ворона-клептоманка. Они, между прочим, часто реагируют на блестящее.

Жанна, приподняв полотенце, с сомнением оглядела венок:

– Конечно, блестит, но не так уж чтобы очень. Ваши ложки блестят сильнее. И чайник – тоже. А ворона на них даже внимания не обратила.

– На что она обращала внимание, мы не знаем, – возразил я.

– Как раз, по-моему, уже знаем, – сказал Макси-Кот. – Как только веночек исчез из ее поля зрения, она смылась.

– Выходит, ее не любое блестящее привлекает, – тихо произнесла Жанна.

– А может, причина в другом и все гораздо проще? – в упор взглянул на меня Макси-Кот.

– Не понял, – пробормотал я.

– Фома, – продолжал мой друг, – ты или твои предки случайно не имеют привычки прикармливать на балконе птичек?

– Птичек? Прикармливать? – обалдел я.

Бывают, конечно, любители всяких кормушек, но это не мы.

– А может, кто из соседей этим балуется? – осведомился Макси-Кот.

– Чего не знаю, того не знаю, – признался я.

– Вот видите, – победоносно взглянул на нас Макс. – Если кто-нибудь из ваших соседей в определенное время насыпает, так сказать, пернатым друзьям корм, то вполне вероятно, эта психованная ворона просто проголодалась. А этаж перепутала. Вот и требовала у нас пожрать.

– Не похоже, – покачала головой Жанна. – Мы ведь ей ничего не дали, а она улетела.

– Вот именно, – вмешался я. – А ведь мы не гнали ее и не пугали.

– Пугали! – воскликнул Макс и потерял кончик острого длинного носа. – Это у нас от нее душа в пятки ушла.

– А мне все-таки кажется, что и возле котлована, и здесь была одна и та же ворона, – сказал я. – Сами судите. Кухонный балкон у нас куда выходит? На кладбище и стройплощадку. Что какой-то вороне стоит пролететь несколько сот метров.

– Пролететь, конечно, ничего не стоит, – медленно произнес Макс. – Но тебе, Фома, не кажется удивительным, что она из всего вашего огромного дома выбрала именно твое окно? Причем окно именно той комнаты, где находились мы и лежал веночек.

– И впрямь ерунда какая-то, – пожалала плечами Жанна и вдруг совсем другим тоном осведомилась: – Эй, а где Пирс?

Мы изумленно переглянулись. В суматохе все совершенно забыли о песике. На кухне его действительно не было. Распахнув дверь, Жанна выбежала на балкон. Пусто. Впрочем, не сомневаюсь: запримеченный случайно Пирс там, он давно бы уже закатил жуткий скандал. И вообще мы только сейчас сообразили, что пес даже не залаял на ворону.

Похоже, его в этот момент не было на кухне.

– Пирсик! Пирсик! Ко мне! – громко позвала Жанна.

Никакой реакции.

Пирса мы обнаружили в моей комнате. На моем диване. Он сладко спал.

– Паразит! – с укором произнесла Жанна.

«Паразит» лениво спрыгнул на пол, потянулся, зевнул и принялся вяло вилять хвостом. Впрочем, мы были ужасно рады, что с ним ничего не случилось. Он, похоже, не меньше нашего обрадовался встрече и покорно засеменил вместе с нами на кухню. Там он взвился свечой на табуретку и резко сдернул полотенце с венка, видимо, полагая, что под ним лежит что-нибудь вкусненькое.

– Не там ищешь, приятель, – усмехнулся Макси-Кот и протянул псу кусок колбасы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.